

не управляемое правильными формами—какъ у Жанъ-Поля или Тика, какъ у Шекспира въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь» или у Гёте во второй части «Фауста» —то всѣ французскіе романтики должны быть признаны классиками, всѣ, не исключая самого В. Гюго. «Никому изъ нихъ не была дана та легкая, свободная, воздушная фантазія, которая соединяетъ дѣйствительное съ невозможнымъ, близкое съ далекимъ, настоящее съ давно-прошедшимъ, которая связываетъ въ одинъ букетъ цвѣты всѣхъ странъ, сливаетъ въ одно символическое цѣлое глубокомысленныя аллегоріи и народныя легенды. Никто изъ нихъ не видѣлъ танца эльфовъ, не слышалъ волшебныхъ его мелодій». Съ этой точки зрѣнія они были и остались латинянами, а слова: *латинскій* и *классическій*—синонимы. Они сохранили пристрастіе классиковъ къ риторикѣ, къ контрастамъ и антитезамъ, измѣнивъ лишь приемы первой и содержаніе послѣднихъ. Лозунгъ Гюго: *природа, истина* совпадаетъ, повидимому, съ лозунгомъ новѣйшей натуралистической школы—но только повидимому. Достигнуть естественности Гюго хотѣлъ посредствомъ насильственного сближенія крайностей—красоты и уродства, нѣжности и звѣрства, продажности и любви. Природа была для него Аріель-Калибаномъ, суммою сверхъ-человѣческаго идеализма и черезчуръ низменнаго животнаго элемента—другими словами, суммою двухъ невозможностей. Позже дуализмъ уступаетъ мѣсто, у Гюго, широкому пантеизму—но это не относится уже къ романтической эпохѣ.

Весьма интересна въ книгѣ Брандеса та глава, которая посвящена забытымъ или незамѣченнымъ писателямъ, *enfants perdus* романтизма. «Когда новая литературная школа только-что одержала побѣду, она представляетъ собою настоящее поле битвы. Къ триумфальному маршу побѣдителей примѣшиваются глухіе стоны раненыхъ и изувѣченныхъ. Жалобы побѣжденныхъ не вызываютъ въ насъ сожалѣнія; они заслужили свою судьбу; истинно-трагическимъ является, за то, положеніе тѣхъ солдатъ побѣдоносной арміи, которыхъ она оставляетъ лежащими на дорогѣ». Одни изъ нихъ упали отъ слабости, отъ утомленія; другимъ просто не достало умѣнья воспользоваться своими силами, примѣниться къ обстоятельствамъ. Ихъ опередили не только геніальные вожди, но и посредственные рядовые, удачно попавшіе въ тонъ минуты. Къ романтикамъ этой категоріи принадлежатъ Эрнестъ Фуине, одинъ стихъ котораго, по меньшей мѣрѣ, долженъ быть сохраненъ отъ забвенія, потому что онъ сосредото-